

ЗАВЕТНАЯ ЗВЕЗДА

СЛОВО О ПЕРВОЙ КНИГЕ

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ и само-бытность поэта надо, наверное, искать там, куда бесконечно стремится его душа, пытаясь связать ненадежную нить желаний, там, где горит его звезда.

Звезда Инэли Яшиной — рядом. В первой книге поэтессы (И. Яшина. Гремячий ключ. Стихи. Архангельск, Сев.-Зап. кн. изд-во, 1979) она не столько озаряет, сколько согревает холодное пространство сокровейным теплом любви.

«...На жар-птицу вовсе не похожа Перепелка серая во ржи, Так и песня под моим окошком, Тихая и теплая, про жизнь...»

И здесь, в этой жизни, не ограниченной просто существованием, «в полях, побитых небывалым градом», среди стужи и ветра душа горит, последним усилием преодолевая застойность бездны, встревоженно поет, отрываясь от пошлости и суеты «туда, где сполохи-зарницы в закатном зареве дрожат...» Этому творящему горению причиной и виной вечная, ненасытная и неутолимая жажда самозабвенного человеческого единения, беспредельной связи родственных

душ. Жажда того, что мы зовем любовью. Вопреки всему эта жажда вдохновляет Яшину.

...Любовь — человеческий бог, принимающий лишь добровольные жертвоприношения, бескорыстный и дарующий единственное возможное счастье бог.

«...И вот нашла! Живу одним тобой, Я без причины радуюсь и плачу, Все отдала тебе, моя любовь, И стала я сама в сто крат богаче...»

Благословен этот огонь, который горит не сжигая, который не гаснет до конца! «...К нам, огнем неистовым объятим, никому нет ходу на версту! Догорая, разомкну объятия Лишь последней искрой на лету...»

Сквозь косноязычие, сквозь шелуху порой ненужных, неуклюжих фраз и слов, одолевая творческую слабость, поэтесса приходит к любви, той, которая останется, к тем строкам, чисто и сильно звенящим.

Если теплым, погожим вечером
Грянет сиверко песню вьюжную,
Ты окошко открой доверчиво,
Мой негаданный, мой несуженый.
Он обнимет тебя прохладой,
Словно руки мои застылые.
Если песня его нескладная,
Значит, очень грустила я.
Значит, очень уж одиноко мне,
Значит, сердце тревогой залито.
Если ветер поет за окнами,
Ты послушай, не я ли там.

...Человек приходит к любви. Просто человек. И он выражает свое чувство, свою запольхавшую и просветленную сущность, выливаясь в невольные строки, изливаясь безрассчетно и доверчиво в мир. Та страсть, пусть губительная («не стоит повторяться»), но и живительная одновременно:

Благословляю нашу встречу,
Безумство, чудо ль — все равно.
Быть может, этот самый вечер —

Все, что судьбою мне дано.
Благословляю нашу встречу!
Не все подвластно и расчетно,
Хоть годы жди, хоть миг любви.
И если пожалеть о чем-то,
Не пожалею о любви,
Лишась покоя и почета.

Хлещет через край пронзительная, теплая любовь — и уже весь этот мир, вся эта беспредельно прекрасная земля, наделенная всеми родными именами, утопает в ней. «Знаю, что живу!» — восклицает поэтесса, ища свой путь, свою книгу. Да, ей дана счастливая, несмотря ни на что, воплощающая жизнь — среди людей.

«...Святого в нас — одна любовь без края. В царящих тернового венца. Живем любя, и мучаясь, сгорая, Мы зажигаем новые сердца...»

Это — навсегда, одухотворенное чувство, святая правда о жизни, которая равна любви, правда, делающая первую книгу Инэли Яшиной в целом, несмотря на шероховатости слога, на невыдержанность некоторых интонаций и прочие мелкие несовершенства, удачной и значительной.

Е. ЕРМОЛИН.